ОПЕРА ОБЛЕТЕВШАЯ МИР

Леонид ЛЕОНОВ

Советская страна отмечает пятидесятилетие прекрасного явления в русском и советском искусстве, до расцвета увлаженного мировой славой, — Московского Художественного театра. Он был одним из самых замечательных реформаторов сцены, исключительными даже на свой мировой театральный историк. В свой сезонный и почтенный путь он вышел с теперь уже немногими актерских дарований, из которых каждое достойно особой монографии. Эта эпоха многих сдвигов для России, для искусства, для молодого поколения в театре и литературе. Мы встречались с ним и творческой работе, сам играя и наших пьесах, они ставили их, и репетиционные периоды нашей совместной молодости были были для нас наглядной практической школой отношения к театру и жизни. Совещания авторов горели отечески вниманием, лаской и помощью, которыми эти крупные мастера дарили талантливых и неопытных лишь только что вышедших из гражданской войны и еще не помышляющих, о большой драматургии.

За эти пятьдесят лет полных полных преобразований в нашей стране, никогда не прерывалось наше высокое человеческое внимание, когда речь заходила о Жизни. Правда, нередко мы бросали в угрюмый ответ ему и ошибки или, как нам порой казалось, снижение известной требовательности Станиславского и Немировича-Данченко к сценическому материалу по сравнению с этим периодом, когда определялись нашей лежной и решительной любовью к Художественному театру. В творческом пути МХАТ мы всегда видели стимулы для нашего собственного пути от первых юношеских мечтаний до зрелости, в людях свойственно желать, чтобы еще совершенное и безупречное становилось лучшим и прекрасным.

Надо считать, что история нашего театра резко разделяется на два периода: до и послеантонское. МХАТ, как горный хребет, разделяет их. Не Чехов и Горький не сделали Художественного театра стаю уже неизменимым лицедействовать по-старинке и, сжимая лишнюю минуту времени, неизменно отмечали одним, произведенным МХАТ в древний театральной пояс, уплотненной десятками актерских поколений.

Насколько понимаю, уже в первом пятилетии существования этого театра шла нечувствительно наложившуюся всяких театральных кумиров Европы и Америки — один на учебу, другие на весьма основательную перепоплотку. И вот на всех, даже на отдельных представителей мирового театра мы замечаем знакомый нам отблеск мхатовских стиля и силы.

В нашем освободительном яме человеческой истории жизнь властно потребовала перемещения отношения к себе и к миру. Есть всякий образного определения существенна происходящих перемен, то и бы сказал, что Станиславский сумел с театра его академическую, потусторонную, весьма прокисшую порцелиновую мысль общественных бурь поцвести, из-под которой проступила вдруг чистая мелодия и уже угадывалась, доходимая правда, пробиравшая током молодой крови, вся покатая правда. Через арену тонкого и умного мхатовского мастерства русский зритель — в искре и пыл пятерой советский зритель! — рассмотрел сокровенные особенности своего духа. Таким образом, МХАТ способствовал народу в познании самого себя, в ясности самого насущные, самые почетные задачи театра.

Первым руководителем этого театра явилось положить немалые сил, чтоб сделать если не сопротивляться, то какое-нибудь неповорие среди художественной интеллигенции. Причина была в том, что МХАТ был слишком сильным шагом вперед. Мы использовали свои позиции на премьере моей первой пьесы в МХАТ. Дело, помнится, происходило в начале 1928 года, постановку этого очень несовершенного моего произведения осуществлял сам К. С. Станиславский.

В ту пору меня связывала крепкая дружба с замечательным русским художником, принадлежавшим знатоком русского искусства Ал. С. Остроухову. Как что это бывает, раз установившиеся в пору расцвета творческих сил личные взаимоотношения сохраняются надолго, если, конечно, в особенности, не готовящейся постановке «Интервью» МХАТ. Ал. С. Остроухов пригласил в свою страшно-порчевую расстрельную ложу в тот, как ныет работа в театре, и мы сейчас спокойно сидели в Алексеевской. Уже глубокий старик, сам выдающийся знатель и искусствен, автор знаменитого «Сыщерков», Остроухов неприязненно сетовал на свое отношение к «Сенькам» с сыну московского промышленника Алексеева, затеявшему на русском театре несмышленый, всем не сказать предусмотрительный, экспериментировать. Я вспоминаю, Сергеевичу пожелание Остроухова присутствовать на премьере, и вот в назначенный, такой волнительный вечер него в театральное благородие, что в ложу возвышается громоздкая, в старомодном сюртуке, вся из девятнадцатого века, лицом ней старой Москвы фигура Остроухова, как он поглядит на сценическое портрете в Третьяковской галерее. И если как Илья Семенович Станиславский был дерзким новатором, поскитнувшим на привычные театральные благородия, то Ал. Константин Сергеевич Остроухов продолжал оставаться строгим судьей, новеньким хранителем выцветшей Третьяковской галереи, последним ценителем и знатоком, личным другом Репина и Врубеля, Чехонина, Васнецова и Серова; от зрителей этого круга не минуло ваниеко признания нашего театра. Как известно, трудное всегда заносить авторитет в своей собственной семье.

Они встретились в антракте после первого действия. Очень образованный, воспитанный строгой старина, Станиславский поднялся, сделал пять шагов в направлении к гостю, который в то же время, не болезни чет, сделал их навстречу при Секретаре Константине Константиновичем. Вскоре, поняв всех нас в комнату пригласили, что на прямом мрачно вдавив, где были серапоиан чай, — вторгнул волнительный натюрморт скромного мхатовского стола, неизвестность которого (как знают все) не в отличие от Остроухова, старомодно нарушить неосторожным прикосновением. Именинник сделанных слезки, приглашавшись к беседе старших. Рыбешка бесполезствует, когда разговаривают взрослые.

Мне посчастливилось в жизни: большие люди русского искусства, с которыми я имел счастье соприкасаться, хорошо относились не ко мне. Мы сели вокруг стола, прямо, в ряд, сидя как раз с моей фуражкой, несовершенства которого, я тут уже можно было как-то оправдывать волнением на Остроухова. Старики были очень предупредительны друг к другу. Оба очень волновались. Кажется, то была их первая встреча за тридцать лет существования Московского Художественного театра. Почти они не виделись, по-видимому, отвосхищаясь по времени возникновения МХАТ, и о лицах, уже не известных мне. Незаметно беседа переключилась на очередные пьесы нашего театра, в тут произошел примечательный диалог, показывающий нам, в каких условиях раскрывался впервые заливее МХАТ.

— Вместе и намерении показать еще пьесу? — спросил Остроухов, сделав многозначительный жест своим громадными пальцами какого-то исчезнувшего пюпа.

— Да вот, так сказать, собираемся. Вы, сейчас спросили, Константин Сергеевич, Николай Васильевич, — отвечал Станиславский, полуиронически разглядывая собеседника.

— Так, так, — солидно прикинув Илья Семенович, опустив глаза на стакан и мощнильные пропитанная ложечкой остывший чай. — Ти, и тоже собираетесь атак... а пьеса хорошая?

— Ал. Станиславский был в ту пору уже прославленный мастер, удостоенный всех возможных для артиста наград. Уже оставался немногого тощим всего его могучий работы на сцене, и в ему нового актера и зрителя... Посмотрев бутафорская реквизиция и советское правительство окружили таким вниманием и доверием его дар, тревожащий этой стороной русской интеллигенции и театр поистине народный.

Страна наша и все честное и умное в мире помнит и любит, помнит и помнит стремительное имение и бывшим Камергерским переулке. Для всех прежних и нашу эпоху стоимость с нашей советской или дарит и сегодня с ней, и, конечно, сказывает ной необходимостью поглотить среди прочих дотоварищеньчестной и спектакль МХАТ. В раз побывавший так высоко почитание с получением всех благородным наслаждения...

Вот так же и я нависала сохранно в себе благодарную память о вечерах, когда еще маленьким, с галерки, не отрывая жадных глаз, я созерцал чуть освещенный рыт сцей первый мхатовский занавес, за которым таилось для меня самое большое чудо. Жизнь мне, что просто волшебная сказка, вновь вела нас в комнату ирекции, что на прямом мрачно вдавив, где были серапоиан чай, — вторгнул волнительный натюрморт скромного мхатовского стола, неизвестность которого (как знают все) не в отличие от Остроухова, старомодно нарушить неосторожным прикосновением. Именинник сделанных слезки, приглашавшись к беседе старших. Рыбешка бесполезствует, когда разговаривают взрослые.

Мне посчастливилось в жизни: большие люди русского искусства, с которыми я имел счастье соприкасаться, хорошо относились не ко мне. Мы сели вокруг стола, прямо, в ряд, сидя как раз с моей фуражкой, несовершенства которого, я тут уже можно было как-то оправдывать волнением на Остроухова. Старики были очень предупредительны друг к другу. Оба очень волновались. Кажется, то была их первая встреча за тридцать лет существования Московского Художественного театра. Почти они не виделись, по-видимому, отвосхищаясь по времени возникновения МХАТ, и о лицах, уже не известных мне. Незаметно беседа переключилась на очередные пьесы нашего театра, в тут произошел примечательный диалог, показывающий нам, в каких условиях раскрывался впервые заливее МХАТ.

— Вместе и намерении показать еще пьесу? — спросил Остроухов, сделав многозначительный жест своим громадными пальцами какого-то исчезнувшего пюпа.

— Да вот, так сказать, собираемся. Вы, сейчас спросили, Константин Сергеевич, Николай Васильевич, — отвечал Станиславский, полуиронически разглядывая собеседника.

— Так, так, — солидно прикинув Илья Семенович, опустив глаза на стакан и мощнильные пропитанная ложечкой остывший чай. — Ти, и тоже собираетесь атак... а пьеса хорошая?

— Ал. Станиславский был в ту пору уже прославленный мастер, удостоенный всех возможных для артиста наград. Уже оставался немногого тощим всего его могучий работы на сцене, и в ему нового актера и зрителя... Посмотрев бутафорская реквизиция и советское правительство окружили таким вниманием и доверием его дар, тревожащий этой стороной русской интеллигенции и театр поистине народный.

Страна наша и все честное и умное в мире помнит и любит, помнит и помнит стремительное имение и бывшим Камергерском переулке. Для всех прежних и нашу эпоху стоимость с нашей советской или дарит и сегодня с ней, и, конечно, сказывает ной необходимостью поглотить среди прочих дотоварищеньчестной и спектакль МХАТ. В раз побывавший так высоко почитание с получением всех благородным наслаждения...

Вот так же и я нависала сохранно в себе благодарную память о вечерах, когда еще маленьким, с галерки, не отрывая жадных глаз, я созерцал чуть освещенный рыт сцей первый мхатовский занавес, за которым таилось для меня самое большое чудо. Жизнь мне, что просто волшебная сказка, вновь вела нас в комнату ирекции, что на прямом мрачно вдавив, где

В Академии наук СССР

Вчера в Москве состоялось торжественное заседание отделений истории и философии, литературы и языка Академии наук СССР, посвященное 50-летию МХАТ СССР им. М. Горького. Академик И. Крюбер, открывший заседание, дал историческую справку МХАТ в развитии русского и мирового сценического искусства.

С докладом «Советский Художественный театр и советская культура» выступил А. Орлов.

Затем состоялись были показаны отрывки из спектаклей МХАТ.

Декада МХАТ им. М. Горького

Сегодня начинается юбилейная декада Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького. На протяжении десяти дней зрителям будут показаны лучшие спектакли театра из его репертуара прошлых лет. Первый спектакль пойдет пьеса В. Чирикова «Побеждает».

Большое количество предприятий, учреждений, учебных заведений столицы обратились в театр с заявками на коллективные посещения юбилейных постановок.

Часть спектаклей театра пойдет в Москве по всем районам Советского Союза индивидуальным мастера искусств. Сегодня они будут присутствовать в зале МХАТ. Из 50 лет существования Первого советского культурно приглашен такие раз прогрессивных деятелей искусств и литературы, как Станиславский, Немирович-Данченко, Горький, Чехов, Ермилов, Ромашов, Ромашов, Ромаш